

УДК 82.09

DOI: 10.17223/19986645/39/13

О.Н. Турышева

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ЛИТЕРАТУРНОЙ НАУКЕ

Статья посвящена вопросу о формировании прагматического подхода в современном литературоведении. Литературоведческая прагматика рассматривается как самостоятельное направление, включающее в себя разнодисциплинарную рефлексию о литературе как коммуникативном феномене и чтении как коммуникативном событии. Выделяются четыре области, образующие прагматическое направление в литературной науке. Это феноменология чтения, исследования литературного поведения, история чтения и прагматика повествования.

Ключевые слова: прагматический подход в литературоведении, феноменология чтения, литературное поведение, история чтения, прагматика повествования.

Прагматика в качестве самостоятельной филологической области, как известно, первоначально оформилась в языкознании. В рамках этого подхода начиная с 60–70-х гг. XX в. язык стал рассматриваться в аспекте его употребления, т.е. не с точки зрения того, как он устроен, а с точки зрения того, каким образом он функционирует, обеспечивая взаимодействие между инициатором речи и его адресатом. Параллельно с выделением прагматики как лингвистической дисциплины происходит и постепенное формирование прагматического направления в науке о литературе, сфокусированного на вопросах читательской «апроприации» (Р. Шартье) литературы. Специфическим предметом литературоведческой прагматики является художественная коммуникация – как закодированная в самом тексте в определенной системе приемов и фигур, так и осуществленная в практике реального чтения.

По выражению Т. Венедиктовой, изучение взаимоотношений между литературным текстом и его адресатом образовало «едва ли не самую напoтoтанную из дорог современной гуманитарной мысли» [1. С. 469]. Однако в качестве отдельного направления литературоведческая прагматика до сих пор описана не была. Также до сих пор не стала предметом описания и истории ее формирования. Между тем на данный момент прагматику художественной коммуникации составляет объемная и разнодисциплинарная рефлексия. По меньшей мере, ее образуют такие области, как 1) феноменология чтения; 2) совокупность исследований, предметом которых является литературное опосредование поведения; 3) история художественной рецепции; 4) прагматическая теория повествования. Кратко остановимся на каждой области – с тем, чтобы в исторической перспективе осветить спектр идей, выдвинутых в данной сфере.

Феноменология художественного восприятия. Активное формирование этой парадигмы начинается в западноевропейской гуманитарной мысли с 60-х гг. XX в. – параллельно с формированием концепции «смерти автора», получившей теоретическое оформление в знаменитых работах Р. Барта («Смерть автора», 1968) и М. Фуко («Что такое автор?»),

1969). Имея своим следствием отказ от трактовки текста как носителя готового смысла, данная концепция, как известно, ознаменовала обращение гуманитарной науки к фигуре читателя, который стал рассматриваться как смыслополагающий субъект и оттого – как непосредственный участник «свершения произведения». Наиболее важные концепции данного направления литературной прагматики – это философская герменевтика Г.Г. Гадамера, немецкая рецептивная эстетика (В. Изер, Г.Р. Яусс), семиотическая теория интерпретативного сотрудничества (У. Эко).

Смыслообразующая деятельность читателя в рамках феноменологии чтения рассматривается в двух аспектах:

- а) как деятельность, направленная на образование семантики текста;
- б) как деятельность, направленная на образование семантики экзистенциального плана.

Если в рамках первого аспекта в качестве объекта смыслообразования рассматривается текст, то в рамках второго – собственная ситуация читателя, ее смысловое содержание. В акте восприятия эти составляющие (понимание текста и понимание себя) – в силу интенциональности читательского сознания – теснейшим образом взаимосвязаны. Однако рецептивистика дифференцирует их в качестве различных предметов теоретической рефлексии. Последовательно обозначим теоретические варианты рефлексии о деятельности читателя в обоих аспектах.

Первый аспект подразумевает описание деятельности читателя как направленной на образование семантики текста. Данная проблематика, будучи введена в теоретический контекст Г.-Г. Гадамером, связана с исследованием того, **что** происходит с литературным произведением в процессе его рецепции, **что** представляет собой *работа читателя над текстом*.

Систематическую разработку вопросы данного блока получают начиная с деятельности Р. Ингардена и Констанцкой школы. Ингарден, напомним, описывает деятельность читателя как *конкретизацию* словесного материала, в акте которой тот заполняет места семантической неопределенности индивидуальными смыслами и так преодолевает «схематичность» художественного произведения [2].

Представители немецкой рецептивной эстетики В. Изер и Г.Р. Яусс описывают конкретизацию как *осуществление* читателем «стратегии текста» – той программы восприятия, которую содержит в себе текстовая структура. Данное качество текста трактуется как система предписаний читателю, следование которым должно обеспечить успешную художественную коммуникацию.

Проблематизация данного механизма художественной рецепции начиная с 60-х гг. XX в. была предпринята целым рядом исследователей, в частности У. Эко. В работах «Открытое произведение» и «Роль читателя» чтение также рассматривается как процесс реализации читателем той рецептивной модели, которая задана самим текстом. Это основные теории, в рамках которых рецепция была описана в качестве события художественной коммуникации.

Обозначим теоретические варианты описания второго аспекта смыслообразования. В этом случае речь идет уже не о том, **что** в акте рецепции происходит с произведением, а о том, **что** в акте рецепции происходит с самим ре-

ципиентом – в результате той «работы текста» (воспользуемся формулой П. Рикера), которую он (текст) осуществляет в отношении читателя. В рамках решения этого вопроса акцентируется другой вид активности произведения, нежели тот, о котором шла речь выше: не тот, соответственно которому произведение непосредственно участвует в акте собственной интерпретации, предписывая читателю стратегию развертывания своего собственного смыслового потенциала, а тот, соответственно которому произведение активно участвует в формировании самого читателя, сотворении его субъективности, его самосознания – рефлексивной способности осмыслять и оценивать свои поступки. В этом плане чтение рассматривается не как реакция читателя на исходящее от текста требование его целенаправленной «расшифровки», а как реакция читателя на исходящее от текста «требование моральной рефлексии» [3. С. 81].

Вектор теоретической рефлексии такого рода также был задан Г.-Г. Гадамером. Немецкий философ непосредственно связал проблематику чтения с проблемой формирования субъектом собственной идентичности. Описывая механизм понимания, Гадамер обозначил его как «узнавание», в частности подразумевая среди других форм «узнавания» и узнавание читателем в произведении «идеального» облика самого себя. По Гадамеру, «в опыте искусства можно достичь встречи с собой»: эстетический опыт представляет собой «тесную взаимосвязь между опытом понимания и опытом самоузнавания».

Гадамеровская идея самоформирования субъекта получила свое развитие в целой совокупности концепций, нацеленных на выявление того воздействия, которое текст оказывает на читателя, и получивших общее наименование теории читательского отклика¹. Ряд представителей данного направления рецептивной науки феномен обусловленности самосознания чтением обозначают с помощью понятия «идентификация», подразумевающего отождествление читателем себя с персонажем литературного произведения.

В то же время процесс чтения вовсе не ограничивается идентификацией читателя с миром прочитанного. Так, В. Изер в работе «Процесс чтения: феноменологический подход» (1972), отслеживая ту сложную совокупность ментальных актов, посредством которых осуществляется художественная коммуникация, отмечает, что чтение – «творческий процесс, значительно более сложный, чем простое восприятие» и идентификационное погружение в мир книги. В связи с этим его следует описывать как акт взаимодействия воображения читателя с текстом. Воображение осуществляет свою работу посредством *антиципации* (предугадывания возможного хода событий), *ретроспекции* и, наконец, *формирования «целостного образа» текста* через придание ему последовательности и логичности, в результате чего текст раскрывается для сознания читателя «как живое событие». Этот процесс «создания гештальта литературного текста» и «возникающее при этом впечатление жизнеподобия» всегда сопровождаются «вовлечением читателя в его «действительность», которую «он сам [читатель] и создает». Изер называет этот процесс «*формированием иллюзий*» [4. С. 220–221].

¹ «Что происходит с нами, когда мы читаем текст» – именно так сформулировал главную проблему теории читательского отклика В. Изер [Изер, 1999].

В объяснении Изера, «формирование иллюзий», в частности, происходит в результате «вписывания» читателем своих собственных представлений в участки смысловой неопределенности (так называемые «пустые места» текста).

Сам процесс формирования иллюзий в акте чтения Изер уподобляет процессу *приобретения жизненного опыта*, механизмы которого «запускает» художественный текст. В связи с этим Изер отказывается описывать процесс чтения только в понятиях идентификации читателя с миром прочитанного: по Изеру, в процессе чтения происходит не идентификация, а *«искусственный передел личности читателя»*, идентификация же является не результатом чтения, а одним из механизмов, обеспечивающих «усвоение чужого опыта». Так, «выстраивание читателем художественного смысла» неотделимо от процесса самосозидания: оно открывает для читателя возможность «сформулировать себя самого» и найти новые основания для собственной жизненной практики. «Литература дает шанс через формирование несформированного [автором в тексте] сформулировать нас самих», – пишет В. Изер в работе «Der Lesevorgang» [5. S. 275].

К вопросу о том, что представляет собой «работа текста» в процессе читательского самосозидания, в ряде своих сочинений обращается Поль Рикер. В рамках его концепции деятельность читателя по формированию собственной идентичности всегда опосредована «символическими ресурсами культуры» и, в частности, повествовательными текстами. «Понимать себя означает понимать себя перед текстом», – пишет П. Рикер, развивая теорию «повествовательной идентичности» в работе с одноименным названием [6. С. 87]. Согласно данной теории человек обретает самопонимание только в результате взаимодействия с повествовательными текстами: или посредством их активного понимания (если речь идет о читателе), или посредством их создания, посредством изобретения повествовательных интриг (если речь идет об авторе нарратива). Причем в целевом плане повествовательная деятельность определяется Рикером именно как деятельность, направленная на самопонимание того субъекта, который ее производит. Цель любых форм повествовательной деятельности (письмо, рассказ, чтение), по Рикеру, всегда одна – стремление ее субъекта (автора, рассказчика или читателя) понять самого себя.

Тот аспект теории Рикера, который непосредственно касается деятельности читателя, в качестве главного предлагает тезис о том, что в акте чтения «я» субъекта становится для него доступным, так как текст «поставляет» читателю «указания, как приблизиться к себе самому». В целом эти указания нацелены либо на обеспечение идентификации читателя с героем, либо на дистанцирование читателя от последнего. В результате читатель вырабатывает новую жизненную позицию и по-новому строит свою реальную практику. Так литература, пишет Рикер, *«рефигурирует»* жизненный опыт читателя (а не только *моделирует* процесс усвоения чужого опыта, как писал Изер). Еще одно отличие теории Рикера от теории читательского отклика образует акцентирование того, что самопонимание – это не просто «эффект», результат, «продукт» чтения, а его непосредственная цель.

Следующее направление в исследовании прагматического модуса существования литературы составляет теория литературного поведения. В данном случае чтение рассматривается не с точки зрения события смыслообразования (как акт понимания себя самого или смысла читаемого), а с точки зрения использования читателем его результатов. Эта проблематика составляет фокус целого ряда исследований семиотического, психологического, феноменологического и социологического плана. Их непосредственным предметом является, по выражению немецкого литературоведа Германа Майера, «das zitathafte Leben» («жизнь, ориентированная на цитирование»). Имеется в виду феномен реального поведения, заимствующего модели и тактики, описанные в литературе. Этот ракурс в исследовании чтения был задан уже в рамках немецкой рецептивной эстетики: Изер называл читателя актером, а Яусс писал о том, что опыт, полученный в чтении, может освободить читателя «от предрассудков и принуждений его повседневной жизненной практики»: он «предвосхищает неосуществленную возможность, расширяет ограниченное игровое пространство общественного поведения благодаря новым желаниям, претензиям, целям и открывает тем самым путь для будущего опыта» [3. С. 80].

В российском литературоведении акцентированное исследование литературоцентричного поведения было предпринято в рамках семиотического подхода, и прежде всего в научном творчестве Ю.М. Лотмана, под пером которого феномен культурно закодированного поведения и получил свое наименование – «литературное поведение». Анализируя широкое распространение подобного явления в русской культуре XVIII в., первой половины XIX в. (до 40–60-х гг.) и начала XX в., Лотман отмечает, что для этих эпох был характерен «взгляд на поведение как на некий текст» [7. С. 262], сознательно выстраиваемый по законам определенного сюжета. Подобное – эстетическое – отношение к собственной биографии непосредственно обусловило восприятие литературы как «области моделей и программ жизненного поведения» [7. С. 270] и превращение повествовательных сюжетов в образцы жизнестроительства.

Акцентуация значимости семиотического подхода в отношении человеческого поведения в конце XX в. была предпринята в рамках такого направления американского литературоведения, как новый историзм, одной из знаменитых концепций которого является концепция текстуальности жизни. Содержание данной концепции касается самых разнообразных форм взаимоотношений между литературой и реальностью, в том числе форм преобразования художественного текста в жизнь. В последнем случае речь идет о том, что читатель часто осуществляет в своей практике те смыслы, которые были развернуты в тексте, и тем меняет свое поведение и свою реальность. В рамках этой концепции индивидуальная жизнь трактуется как реализация литературного нарратива. Ст. Гринблатт, один из основоположников новоисторической теории, этот аспект как особый случай «самоформирования личности» исследует на материале культуры Ренессанса. В эту эпоху «усилилось сознание того, что формирование личности – это управляемый, искусственный процесс», что «человеческая жизнь заполнена искусственно сформированным опытом» [8. С. 34, 38]. Причем именно литература, по Ст. Гринблат-

ту, дает ту совокупность моделей, которую человек использует и для интерпретации собственной жизни, и для формирования собственного опыта.

История чтения – еще один ракурс исследования чтения как прагматического модуса бытия литературы.

Анализ культурно-исторических типов художественного восприятия впервые был предпринят одним из лидеров немецкой рецептивной эстетики Г.Р. Яуссом. В работе «Эстетический опыт и литературная герменевтика» [9] обоснование историчности понимания поддерживается выделением пяти исторических типов художественной рецепции. По сути, это *исторические типы самоопределения читателя по отношению к художественному действию*. Если для раннего периода развития словесности было свойственно дистанцирование читателя от изображенного в литературе действия и героя (это ассоциативный и адмиративный, в терминологии Яусса, типы), то начиная с литературы предромантизма отношения между читателем и героем выстраиваются по-другому. Яусс выделил симпатический и катарсический типы рецепции как свойственные для восприятия литературы XIX в. (романтизма и классического реализма), в соответствии с которыми читатель соответственно или примеряет образ героя к себе, или идентифицирует себя с ним. Впрочем, в литературе модернизма доминанта рецепции вновь предполагает дистанцирование читателя от героя, что позволяет Яуссу обозначить модернистский тип рецепции как «иронический».

Особый ракурс в исследовании истории взаимоотношений человека с литературой отличает работу В. Изера «Изменение функций литературы» (1986), в которой рассматривается *специфическое для каждой культурной эпохи представление о функциях литературы*. В реконструкции Изера, доминирующая в культуре традиционализма идея искусства как подобия жизни в эпоху романтизма сменилась противоположным взглядом, в соответствии с которым искусство моделирует другую реальность, не имеющую ничего общего с реальностью действительной. В этом случае литература выступает как «апокалипсис природы», – напоминает Изер тезис Т. Карлейля. Сменившая романтическую концепцию реалистическая трактовка литературы как художественного аналога социального бытия сменяется модернистским взглядом на литературу как модус преодоления жизни и сокровенный источник знания о ней («источник всех цитат»). Эпоха «заката метанарраций» отказала литературе в репрезентативности, разоблачив художественные технологии создания «референциальной иллюзии», и связала ценностную функцию литературы с другим ее качеством. Это качество – способность литературы «удовлетворять антропологические потребности человека», а именно потребности в понимании и интерпретации мира и привнесении в жизнь смысла. В рамках постмодернизма, пишет В. Изер, ценностный статус литературы связывается читателем с тем, что она «моделирует процесс ориентации в мире, реагируя на вечную изменчивость бытия и человека» [10. С. 39].

Чтение как исторически изменчивая форма общения человека с письменным текстом в качестве отдельного предмета было актуализировано также в рамках истории чтения – науки, формирование которой приходится на 80–90-е гг. XX в. По мысли основоположника данного научного направления французского историка Роже Шартье, «облик» рецептивной деятельности

детерминирован тем «порядком чтения», который в рамках каждой эпохи имеет свой особенный характер. Он складывается на почве специфических для каждой эпохи представлений о значении книги и сложившейся модели читательского взаимодействия с ней, непосредственно связанной с материальными параметрами самого носителя текста (свиток, кодекс или экран) [11].

Феномен художественной коммуникации является предметом еще одной области в спектре интересующих нас исследований. Это прагматика повествования. В рамках этого направления неклассической нарратологии изучаются коммуникативные параметры нарратива, те его аспекты, благодаря которым осуществляется формирование смыслов и их делегирование читателю. В отечественном литературоведении данная проблематика восходит к бахтинской концепции событийности, которая, напомним, трактуется им в единстве своих референтной и коммуникативной сторон, т.е. единстве события, о котором рассказано в произведении, и события самого рассказывания. Последнее, по М.М. Бахтину, всегда обладает определенной адресной направленностью, что определяет и структуру самого текста.

Коммуникативный статус повествования, его заинтересованность в определенности читательской реакции выразительно были постулированы в деятельности немецкой рецептивной эстетики. В первую очередь – в выдвинутой В. Изером категории имплицитного читателя, получившей в последующей нарратологической рефлексии разнотерминологические обозначения («потенциальный» читатель, «воображаемый» читатель, «образцовый» читатель, «виртуальный» читатель и т.д.). Представление о том, что текст моделирует «нужную» ему рецептивную реакцию в сложной совокупности художественных средств и стратегий, привело к разработке целой системы внутритекстовых инстанций, отвечающих за осуществление процесса художественной коммуникации. Среди них, помимо имплицитного читателя, выделяются фигуры имплицитного автора, а также фиктивного автора (нарратора) и фиктивного читателя (наррататора).

Следует отметить, что в рамках выделения категории читателя в качестве повествовательной инстанции в современном литературоведении происходит все большее соприкосновение нарративной и рецептивной проблематики. Сближение этих сфер обусловлено самим вектором исследования повествования как коммуникативного акта. Об этом свидетельствуют работы таких современных нарратологов, как В. Шмид, В. Тюпа, И. Силантьев [12, 13, 14] и др. Подобное сближение может рассматриваться как выразительное свидетельство того, что на почве взаимодействия теории повествования и эстетики художественного восприятия и происходит оформление самостоятельного – прагматического – подхода в исследовании художественных феноменов. В совокупности с вышеобозначенными областями исследования коммуникативной природы литературы, прагматика повествования непосредственно вписывается в поле широкого прагматического направления в литературоведении, включающего в себя интерес не только к рецептивному измерению нарратива, но и к характеру его функционирования в культурно-историческом контексте.

В целом следует отметить, что литературоведческая прагматика складывается на почве объединенного интереса двух исследовательских перспектив. Первая перспектива связана с исследованием статуса литературного произведения в сознании и реальной житетворческой практике реципиента. В данном случае научная рефлексия направлена на разные аспекты использования читателем того опыта (познавательного, эстетического, рефлексивного, поведенческого), который стал следствием рецепции. Поэтому в рамках этой перспективы первостепенным предметом изучения являются затекстовые результаты эстетической коммуникации, находящие свое выражение в деятельности читателя по расшифровке смыслов текста или по их «апроприации» (Р. Шартье).

Вторую перспективу образует интерес к тому, как в самой текстовой структуре закодирована его связь с потенциальным читателем, благодаря каким аспектам художественной организации формируется интенциональная направленность текста и как в связи с этим осуществляется его воздействие на адресата. То есть в данном случае изучается процессуальность чтения в аспекте его внутритекстового воплощения. В совокупности усилия этих двух исследовательских перспектив можно объединить в единое направление – в силу общности их опоры на идею коммуникативной ориентированности литературного текста.

Литература

1. Венедиктова Т.Д. Актуальная метафорика чтения: (попытка описания) // Новое лит. обозрение. 2007. № 5. С. 468–478.
2. Ингарден Р. Схематичность художественного произведения / пер. с пол. // Ингарден Р. Очерки по философии литературы. Благовещенск, 1999. С. 40–71.
3. Яусс Х.-Р. История литературы как провокация литературоведения / пер. с нем. // Новое лит. обозрение. 1995. № 2. С. 34–84.
4. Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория: антология / сост., пер. и примеч. И.В. Кабановой. М., 2004. С. 201–224.
5. Iser W. Der Leservorgang // Rezeptionsästhetik: Theorie und Praxis. München, 1993. S. 253–276.
6. Рикер П. Герменевтика и метод социальных наук // Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью / пер. с фр. М., 1995. С. 3–18.
7. Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. I: Статьи по семиотике и типологии культуры, 1992. С. 248–268.
8. Гринблатт С. Формирование «Я» в эпоху Ренессанса: От Мора до Шекспира / пер. с англ. Г. Дашевского // Нов. лит. обозрение. 1999. № 35. С. 34–77.
9. Jauss H. R. Ästhetische Erfahrung und literarische Hermeneutik. Bd. 1. Versuche im Feld der ästhetischen Erfahrung. München, 1977. 238 s.
10. Изер В. Изменение функций литературы // Современная литературная теория: антология / сост., пер. и примеч. И.В. Кабановой. М., 2004б. С. 22–45.
11. Шартье Р. Письменная культура и общество. М.: Новое изд-во, 2006.
12. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.
13. Тюпа В.И. Этос нарративной интриги // Вестн. РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. № 2. С. 9–19.
14. Силантьев И.В. Поэтика мотива. М.: Языки славянской культуры, 2004.

A PRAGMATIC APPROACH IN LITERARY SCIENCE

Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 1(39), pp. 150–159.

DOI: 10.17223/19986645/39/13

Turyшева Olga N., Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ol-tur3@yandex.ru

Keywords: pragmatic approach in literary science, reading phenomenology, literary behavior, history of reading, narration pragmatics.

The article is devoted to the question of a pragmatic approach formation in modern literary criticism. Literary pragmatics is considered as an independent direction including a multidisciplinary reflection on literature as a communicative phenomenon and reading as a communicative event. Four areas forming the pragmatic direction in literary science are allocated. They are phenomenology of reading, research of literary behavior, history of reading and narration pragmatics. Within the description of each of the areas the emphasis is placed on works of its founders.

In the development of the phenomenological thought of reading, the philosophical hermeneutics of G.G. Gadamer, German receptive esthetics (W. Iser, H.R. Jauss), the semiotic theory of interpretive cooperation of U. Eco, the theory of narrative identity of P. Ricoeur are most important for the formation of the literary pragmatics of the direction.

The development of the theory of literary behavior primarily includes reflection on Yu.M. Lotman's and S. Greenblatt's concepts. Both of them postulate studying of reading from the point of view of the reader's use of its results.

History of reading is one of the newest aspects of research of reading as a pragmatic mode of the life of literature. This direction formed from the historical perspective of the receptive and esthetic school. The main content of the concept of R. Chartier, the founder of this direction in the French historical science, is also described.

One more area of studying the functioning of fiction is the pragmatics of narration which developed within non-classical narratology. Within this direction communicative parameters of a narrative are studied. In Russian literary criticism, this perspective goes back to Bakhtin's concept of eventness. It is noted that when the category of the reader is identified as a narrative instance, modern literary criticism sees an increasing contact of the narrative and receptive perspectives, which is proved by the development of narratology, both Russian and foreign.

A conclusion that literary pragmatics develops because of the integrated interest of two research prospects is drawn. The first prospect is connected with the research of the status of a literary work in consciousness and real life-creating practice of the recipient. The second prospect is formed by the interest in how the text structure codes its connection with the potential reader, what aspects of the artistic structure form the intentional orientation of the text, and how it impacts the addressee. In total it is possible to combine efforts of these two research prospects in a uniform direction, for they both are supported by the idea of the communicative orientation of a literary text.

References

1. Venediktova, T.D. (2007) Aktual'naya metaforika chteniya: (popytka opisaniya) [Current metaphor of reading: (an attempt to describe)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 5. pp. 468–478.
2. Ingarden, R. (1999) Skhematichnost' khudozhestvennogo proizvedeniya [The schematic character of an artwork]. In: Ingarden, R. *Ocherki po filosofii literatury* [Essays on the Philosophy of Literature]. Translated from Polish. Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene.
3. Jauss, J.-R. (1995) Istoriya literatury kak provokatsiya literaturovedeniya [The history of literature as a literary criticism provocation]. Translated from German. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2. pp. 34–84.
4. Iser, W. (2004a) Protssess chteniya: fenomenologicheskii podkhod [The reading process: a phenomenological approach]. Translated from German. In: Kabanova, I.V. (ed.) *Sovremennaya literaturnaya teoriya. Antologiya* [Modern literary theory. Anthology]. Moscow: Flinta: Nauka.
5. Iser, W. (1993) Der Leservorgang. In: Warning, R. (ed.) *Rezeptionsasthetik: Theorie und Praxis*. München.
6. Ricoeur, P. (1995) Germenevtika i metod sotsial'nykh nauk [Hermeneutics and the Method of Social Sciences]. In: Ricoeur, P. *Germenevtika. Etika. Politika. Moskovskie lektzii i interv'yū* [Hermeneutics. Ethics. Politics. Moscow lectures and interviews]. Translated from French. Moscow: Academia.

7. Lotman, Yu.M. (1992) *Poetika bytovogo povedeniya v russkoy kul'ture XVIII veka* [The poetics of everyday behavior in Russian culture of the 18th century]. In: Lotman, Yu.M. *Izbrannye stat'i v trekh tomakh* [Selected articles in three vols]. Vol. 1. Tallinn: Aleksandra.
8. Greenblatt, S. (1999) Formirovanie "Ya" v epokhu Renessansa: Ot Mora do Shekspira [Formation of "I" in the Renaissance: From More to Shakespeare]. Translated from English by G. Dashevskiy. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 35. pp. 34–77.
9. Jauss, H.R. (1977) *Ästhetische Erfahrung und literarische Hermeneutik*. Vol. 1. München.
10. Iser, W. (2004b) *Izmenenie funktsiy literatury* [Change of literature functions]. Translated from German. In: Kabanova, I.V. (ed.) *Sovremennaya literaturnaya teoriya. Antologiya* [Modern literary theory. Anthology]. Moscow: Flinta: Nauka.
11. Chartier, R. (2006) *Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo* [Written Culture and Society]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
12. Schmid, V. (2003) *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
13. Tyupa, V.I. (2015) Etos narrativnoy intrigi [Ethos of the narrative intrigue]. *Vestnik RGGU. Seriya "Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie"*. 2. pp. 9–19.
14. Silant'ev, I.V. (2004) *Poetika motiva* [Poetics of the motif]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.